801-06
343

С. Введенскій.

СВЯТИТЕЛЬ МИТРОФАНЪ ВОРОНЕЖСКІЙ,

КАКЪ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ

ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

Изданіе Воронежскаго Церковнаго Историко-археологическаго Комитета.

Отдѣльный оттискъ изъ книги „Воронежская Старина“, — выпускъ четвертый.

ВОРОНЕЖЪ.
Типо-Литографія В. И. Исаева. Большая Дворянск. ул., д. д-ра Столль.
1904.

Отъ Московскаго духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Февраля 23-го дня, 1904 года.

Цензоръ, Протоіерей *Александръ Смирновъ*.

2005346143

Святитель Митрофанъ Воронежскій,

какъ церковно-государственный дѣятель эпохи преобразованій

(опытъ исторической характеристики).

Рѣчь, произнесенная (въ сокращенномъ видѣ) въ залѣ Воронежскаго Дворянскаго Собранія на юбилейномъ актѣ, 24 ноября 1903 г.

Послѣ знаменательныхъ Петровскихъ годовщинъ — основанія Петербурга и начала русской періодической печати, — отпразднованныхъ въ нынѣшнемъ году всею Россіею, нашъ Воронежскій край чествуетъ двухсотлѣтіе со дня блаженной кончины Первопрестольника Воронежской паствы, Святителя Митрофана. Послѣднее торжество, какъ главнымъ образомъ мѣстное и церковное, сравнительно съ упомянутыми двумя юбилеями, отличается характеромъ болѣе скромнымъ. Но такой характеръ нашего праздника, однако, не мѣшаетъ ему быть въ высокой степени поучительнымъ. Воспоминанія о томъ, какъ на берегахъ пустынной Невы лѣтомъ 1703 года начали рубить новый городокъ „Питербурхъ", о томъ далѣе, какъ въ январѣ 1703 г. въ Москвѣ вышли первыя „Вѣдомости о военныхъ и новыхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ", — эти воспоминанія дороги всей образованной Россіи, потому что они ярко рисуютъ Петра Великаго и его великое дѣло. Но не менѣе трогательныя чувства возбуждаетъ въ насъ и слѣдующая краткая запись Воронежскаго Синодика: „въ лѣто отъ Рождества Христова 1703 г. ноября 23 въ шестомъ часу дни во второй четверти, во вторникъ, между патріаршества, изволеніемъ Всемогущаго Бога, преосвященный Митрофанъ, епископъ Воронежскій, а въ схимонасѣхъ Макарій, отъиде въ вѣчное блаженство". Рядомъ съ этою записью невольно приходитъ на память и другое сообщеніе

о томъ, какъ Петръ Великій несъ на плечахъ своихъ честное тѣло Святителя и по окончаніи его погребенія, предъ своими сподвижниками засвидѣтельствовалъ, что у него „не осталося такого святого старца". Воспоминаніе о кончинѣ Св. Митрофана, такимъ образомъ, неразрывными нитями связано съ мыслью о Петрѣ Великомъ, о „птенцахъ гнѣзда Петрова" и вообще обо всей эпохѣ преобразованій.

Отзывъ Петра Векикаго о высотѣ нравственной личности Воронежскаго Святителя чрезъ 130 лѣтъ былъ торжественно повторенъ русскою церковью, причислившей епископа Митрофана къ лику святыхъ, и имя „святого старца" стало достояніемъ народнымъ. Тѣ нравственные уроки, которые могутъ быть извлечены изъ жизни Св. Митрофана, въ достаточномъ количествѣ предлагаются и въ посвященныхъ ему пѣснопѣніяхъ церковныхъ, и въ проповѣдяхъ, и въ популярныхъ его жизнеописаніяхъ. Но въ научной литературѣ о Св. Митрофанѣ, разработка которой значительно подвинулась въ послѣдніе годы, мы пока еще не имѣемъ общей характеристики Святителя, какъ церковно-государственнаго дѣятеля эпохи преобразованій. Полагаемъ, что въ нынѣшній день, служащій продолженіемъ и завершеніемъ церковнаго праздника въ честь Св. Митрофана, будетъ умѣстно предложить вашему благосклонному вниманію опытъ общей характеристики Святителя. Наша скромная попытка, при всѣхъ ея возможныхъ недостаткахъ, будетъ своевременна и какъ нѣкоторый итогъ упомянутой сейчасъ разработки историческихъ данныхъ о Святителѣ Митрофанѣ.

Но, прежде чѣмъ приступить къ выполненію нашей задачи, мы должны сдѣлать одну оговорку, дабы устранить возможное недоумѣніе. Намъ могутъ, именно, поставить на видъ то обстоятельство, что Святитель скончался почти на четверть вѣка ранѣе Петра В., не увидѣвъ многихъ важныхъ реформъ, а тѣмъ болѣе—не доживъ до той поры, когда начали обнаруживаться плоды преобразованій. Можно ли, скажутъ намъ, при такомъ хронологическомъ несоотвѣтствіи, считать Св. Митрофана въ собственномъ смыслѣ дѣятелемъ „эпохи преобразованій?" Но это недоумѣніе легко можетъ быть устранено. Нужно обратить вниманіе, съ одной стороны, на тотъ фактъ, что общее направленіе преобразовательной дѣятельности Петра В. вполнѣ опредѣлилось ко времени кончины Св. Митрофана. Въ особенности это надо сказать о церковной жизни, въ которой до 1703 г. были уже совершены важнѣйшія реформы: патріарха ужъ не было, его замѣнилъ мѣстоблюстетель съ освященнымъ соборомъ, изъ котораго впослѣдствіи образовался Синодъ; былъ возстановленъ Монастырскій Приказъ, сосредоточившій въ себѣ и быстро измѣнившій всю хозяйственную жизнь монастырей и архіерейскихъ домовъ. Съ другой стороны, и Св. Митрофанъ свое отношеніе къ Петру В. и къ его преобразованіямъ успѣлъ выразить довольно опредѣленно. Это объясняется, прежде всего, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что Петровская реформа застала Св. Митрофана человѣкомъ съ вполнѣ сложившимися убѣжденіями, а отчасти и тѣмъ, что съ 1694 г. Воронежъ сталъ однимъ изъ мѣстъ особенно напряженной, прямо лихорадочной дѣятельности Петра В. Свят. Митрофанъ близко видѣлъ и самого Петра, и всѣхъ его главныхъ сподвижниковъ, былъ свидѣтелемъ и тѣхъ моментовъ, когда преобразовательная работа была „зѣло въ изрядномъ состояніи", равно и когда „облакъ сомнѣнія закрывалъ мысль" Преобразователя при разныхъ неудачахъ. Если мы примемъ все это во вниманіе, то отмѣченное выше хронологическое несоотвѣтствіе нисколько не помѣшаетъ намъ называть Св. Митрофана однимъ изъ настоящихъ дѣятелей Петровской эпохи.

Въ скорбныхъ словахъ Петра В.: „не осталося у меня такого святого старца"—выразился заключительный результатъ того умственнаго процесса, который совершался въ душѣ царя, при видѣ почившаго Воронежскаго Святителя. Очевидно, царь мысленно сравнивалъ Св. Митрофана съ другими церковными дѣятелями своего времени и съ грустью размышлялъ о томъ, какъ мало было среди тогдашнихъ епископовъ людей, похожихъ на Св. Митрофана, и какъ, поэтому, тяжела была для преобразовательнаго дѣла утрата такого сотрудника. При этомъ сопоставленіи образъ „святого старца" вырисовывался въ душѣ царя еще ярче. Желая предложить вашему вниманію общую характеристику Св. Митрофана, попытаемся и мы пойти этимъ же путемъ—путемъ сравненія его съ другими церковными дѣятелями того времени. Разумѣется, было бы очень интересно возстановить

въ существенныхъ подробностяхъ рядъ тѣхъ духовныхъ обликовъ, которые мелькали въ мысляхъ царя, когда онъ дѣлалъ свой безотрадный выводъ. Другими словами, было бы интересно нарисовать галлерею іерарховъ Петровскихъ временъ, среди которой выступалъ бы и образъ „святого старца". Но, при недостаткѣ историческихъ данныхъ, мы не можемъ отважиться на такую попытку. Единственно, что мы въ этомъ случаѣ въ силахъ сдѣлать, это—только свести живыя царскія думы къ блѣднымъ тѣнямъ и сухимъ обобщеніямъ.

I.

Изучая составъ и настроеніе церковной іерархіи Петровскаго времени, мы видимъ въ ней два главныхъ теченія. Первое мѣсто,—не по численности, а по значенію,—занимала партія ученыхъ кіевлянъ. Съ половины XVII в. длинной вереницей потянулись въ Москву кіевскіе монахи, питомцы кіевской академіи и польскихъ и заграничныхъ (іезуитскихъ) школъ. Встрѣченные въ нашей столицѣ не совсѣмъ дружелюбно, ученые монахи постепенно сумѣли сдѣлаться людьми все болѣе необходимыми для великорусскаго общества въ качествѣ учителей и воспитателей юношества, книжныхъ справщиковъ и духовныхъ писателей. Южно-русская схоластика выросла на почвѣ борьбы съ уніей, а затѣмъ съ протестантизмомъ. Это полемическое направленіе въ области богословія кіевляне перенесли съ собой въ Москву. За отсутствіемъ здѣсь дѣйствительныхъ католиковъ и лютеранъ (по крайней мѣрѣ—богословски-образованныхъ), монахи заводили полемику между собой и свои личныя размолвки облекали въ форму богословскихъ трактатовъ, обвиняя одинъ другого то въ католическихъ, то въ протестантскихъ симпатіяхъ. Въ концѣ XVII в. ученые монахи взяли въ свои руки нашу духовную школу, проникли въ качествѣ воспитателей въ царскій домъ, стали во главѣ всей русской церкви (въ лицѣ Стефана Яворскаго), а затѣмъ начали замѣщать все большее количество епископскихъ каѳедръ, постепенно оттѣсняя духовенство великорусское. Привыкнувъ весь вѣкъ обращаться съ книгами, іерархи-кіевляне въ Москвѣ болѣе всего удѣляли вниманія книгѣ, школѣ. Но для книги надо было подготовить сперва образованныхъ читателей, которыхъ въ Московской Руси было очень мало, а въ школу Петровскую, страдавшую отъ крайней скудости средствъ, учениковъ загоняли силой и съ такими же затрудненіями, какъ и въ солдатчину. Просвѣтительные труды кіевлянъ, такимъ образомъ, были бѣдны результатами. Къ тому же, ихъ сочиненія не были приспособлены къ потребностямъ великорусскихъ грамотеевъ, страдали далекимъ отъ жизни доктринерствомъ. Это особенно ясно сказывалось въ полемикѣ кіевлянъ съ расколомъ, который былъ въ ихъ глазахъ только нелѣпой школьной теоріей, основанной на однихъ безсмысленныхъ опечаткахъ въ богослужебныхъ книгахъ. Отсюда обличительные труды кіевлянъ иногда достигали совершенно обратныхъ результатовъ, наприм., изъ схоластическихъ разсужденій Стефана Яворскаго объ антихристѣ раскольники выводили заключеніе, что Петръ и есть антихристъ. Самъ Петръ Великій, ближе знавшій русскую жизнь, часто указывалъ кіевлянамъ на отвлеченность ихъ литературныхъ трудовъ и давалъ имъ темы религіозно-нравственныхъ сочиненій для простого народа. Ихъ схоластическая проповѣдь была понятна народу только отчасти въ формѣ панегириковъ, т. е. въ той формѣ, которая менѣе всего отвѣчаетъ задачамъ проповѣди церковной. На своихъ епархіяхъ кіевляне во многихъ случаяхъ были плохими церковными правителями. Одни изъ нихъ постоянно отрывались отъ дѣлъ административныхъ кабинетными литературными трудами. Другіе на чужой сторонѣ окружали себя кіевской родней, которая спѣшила „покормиться" на епархіи, пока живъ былъ ихъ братъ или дядя-епископъ. Иные не могли спокойно отдаваться епархіальной дѣятельности потому, что томились тоской по родной Украйнѣ, сравнивали свою жизнь въ Великороссіи съ плѣномъ Вавилонскимъ и постоянно рвались на югъ.

Другая партія, противоположная первой и сложившаяся въ явной или глухой борьбѣ съ ней, состояла изъ значительнаго количества іерарховъ – великороссовъ, приверженцевъ старины. При патр. Іоакимѣ эта партія одолѣла партію кіевскую. Пока живъ былъ послѣдній патр. Адріанъ, великороссы-іерархи имѣли въ немъ вождя, хотя и слабаго, и не теряли надежды на свое торжество или на то, что, по крайней мѣрѣ, въ церковной жизни все останется по

старому. Больной патр. Адріанъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, представляетъ въ Палату объ уложеніи статьи о святительскомъ судѣ, желая отстоять независимость суда церковнаго отъ свѣтской власти. Но со смертію Адріана и послѣдняя опора великорусской партіи рушилась. Патріарха замѣнилъ мѣстоблюститель изъ „черкасовъ". Архіереи-кіевляне постоянно даютъ понять своимъ великорусскимъ собратьямъ всю ихъ необразованность, „различно велятъ секретарямъ и канцеляристамъ своимъ русскимъ досаждать и пакости чинить, а своихъ черкасовъ снабдѣваютъ и всяко охраняютъ". Царь часто твердитъ, что „большія бороды ради тунеядства своего нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются". Обижаемые пренебреженіемъ царя и насмѣшками кіевлянъ, стѣсняемые Монастырскимъ Приказомъ и помнившіе лучшія времена царей Алексѣя и Ѳеодора, представители консервативной партіи глухо таили недовольство. Одни изъ нихъ, люди съ „тонкимъ голосомъ", въ кругу единомышленниковъ сѣтовали по поводу нововведеній: „видимъ мы, что худо дѣлается; да что же дѣлать? одинъ я немощенъ..., я не большой, и не мое то дѣло"... Другіе, болѣе смѣлые, или же потерявшіе голову въ постоянномъ страхѣ отъ Тайной Канцеляріи, въ иныя минуты говорили громко; съ ихъ устъ срывались „непристойныя рѣчи", осужденіе повшествъ въ церковной и государственной жизни. Нижегородскій митроп. Исаія, въ досадѣ на поборы Монастырскаго приказа, кричалъ: „Бояринъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ напалъ на церкви Божіи, вотчины наши вѣдаетъ, а нынѣ у насъ и данныя и вѣнечныя деньги отнимаетъ, и если сборы у меня отнимутъ, и я своей епархіи всѣ церкви затворю и архіерейство покину. Какое мое архіерейство, что мое у меня отнимаютъ. Какъ хотятъ иные архіереи, а я за свое умру, а не отдамъ... И такъ вы пропадаете, что черви, Шведы васъ побиваютъ, а все за наши слезы, а за ваши неправды, да и впредь, буде не отстанете отъ неправдъ, Шведы васъ побьютъ". Ростовскій епископъ Досиѳей, предсказывавшій скорую гибель Петербурга и приговоренный за участіе въ дѣлѣ царевича Алексѣя къ лишенію сана, при всѣхъ архіереяхъ на соборѣ говорилъ: „только я одинъ въ семъ дѣлѣ попался; посмотрите и у всѣхъ, что̀ на сердцахъ"... Страхъ Преображенскаго Приказа заставлялъ недовольныхъ

епископовъ замыкаться въ себя, думать лишь о своихъ личныхъ интересахъ. Только когда какой-нибудь представитель старорусской партіи попадалъ въ непріятное дѣло, грозившее ему разстриженіемъ, его сторонники сближались и хватались для его спасенія за послѣднее средство—указывали свѣтской власти на то, что безъ патріарха освященный соборъ не имѣетъ права лишать епископскаго сана. Но въ такихъ случаяхъ слышалось обезоруживавшее епископовъ возраженіе царя: „если можете безъ патріарха посвятить, то можете и разсвятить". Когда епископы повторяли царю свое напоминаніе о патріаршествѣ, царь отвѣчалъ имъ шумными потѣхами „всепьянѣйшаго собора"...

Мы обозначили только наиболѣе выпуклыя и рѣзкія особенности обоихъ теченій среди русской іерархіи Петровскаго времени, оставивъ въ сторонѣ всѣ образы менѣе яркіе, типы переходные отъ одного направленія къ другому. При томъ, въ тревожную эпоху преобразованій, когда жизнь перестала идти прежнимъ мѣрнымъ шагомъ, когда люди, попавшіе въ „авантажъ", чрезвычайно быстро возвышались, возможны были и такіе дѣятели, къ которымъ приложимы слова поэта: „двухъ становъ не боецъ, а только гость случайный". Изъ партіи недовольныхъ епископовъ были и такіе представители, которые, не сочувствуя въ душѣ преобразованіямъ, однако, поддѣлывались подъ вкусы и симпатіи царя, чтобы пользоваться жизненными удобствами. Эти мудрые сыны вѣка заводили у себя „нѣмецкую баню съ новымъ проводомъ, дорогія кареты рублей въ 200 и вящше и возки золотые, заморской сервизъ, вина, какія были только у вельможъ Меншикова и Шафирова", устраивали „самлеи (ассамблеи) съ музыкой" и т. п.,—и все это въ то время, когда Монастырскій Приказъ взыскивалъ безъ милости алтыны и копѣйки съ архіерейскихъ домовъ и вотчинъ и „убытчилъ" ихъ такъ, что даже кроткій Ростовскій святитель Димитрій долженъ былъ сѣтовать: „домъ нашъ часъ отъ часу скудаетъ". Въ погонѣ за роскошью эти любители жизненныхъ удобствъ простирали свое человѣкоугодничество до того, что иногда забывали благоговѣйное отношеніе къ святынѣ. Когда же Петръ Великій скончался, то эти двуличные сотрудники Преобразователя, при жизни сравнивавшіе его чуть не съ Богомъ, съ радостью говорили:

„вотъ только коснулся (государь) духовныхъ дѣлъ и имѣній, Богъ его взялъ; смотрите, отцы святые, мы живы, а онъ умре, его нѣтъ!“...

Въ такихъ чертахъ рисуются предъ нами двѣ основныя партіи, на которыя раздѣлилась наша церковная іерархія въ эпоху преобразованій. Какое же мѣсто занимаетъ среди представителей охарактеризованныхъ нами партій Воронежскій Святитель Митрофанъ? Чтобы нашъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ вполнѣ обстоятельнымъ, мы прослѣдимъ сперва ту предварительную подготовку, съ которой Святитель вступилъ на Воронежскую каѳедру, разсмотримъ его пастырскую дѣятельность въ Воронежѣ, покажемъ его отношеніе къ преобразованіямъ Петра Великаго и, наконецъ, сдѣлаемъ общее заключеніе о смыслѣ дѣятельности Святителя Митрофана въ эпоху преобразованій.

II.

Святитель Митрофанъ родился въ 1623 году, гдѣ-нибудь въ Суздальскомъ краѣ [1]). Эта область издавна сохраняла черты коренной русской народности. Русская жизнь, не возмущаемая здѣсь никакими иноземными вліяніями, отлилась въ очень устойчивыя формы. Вмѣстѣ съ неласковой природой Залѣсья, вызывавшей жителей на упорный трудъ, этотъ прочный укладъ великорусской жизни развивалъ въ уроженцахъ Суздальскаго края твердость характера, особую настойчивость и дѣловитость. По своему происхожденію Св. Митрофанъ, вѣроятно, принадлежалъ духовной средѣ. Какъ прошли годы его дѣтства и юности,— объ этомъ мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ. Можно догадываться, что школой для Святителя былъ домъ его отца или какого-нибудь особенно извѣстнаго „книжностью“ священника. По примѣру своихъ предковъ Святитель принялъ священный санъ и былъ приходскимъ пастыремъ, въ селѣ Сидоровскомъ, Шуйскаго у., въ 17 в. отъ Шуи. Но о подвигахъ его въ этомъ званіи опять ничего не извѣстно. Засуживаетъ, впрочемъ, упоминанія тотъ интересный фактъ, что ко времени поступленія Св. Митрофана во священники въ Суздальской области замѣчается немалое количество пастырей выдающихся. Эти ревнители строгой нравственной жизни дѣйствовали съ Свят. Митрофаномъ одновременно и, судя по близости мѣстъ ихъ пастырскаго служенія отъ села Сидоровскаго, были Святителю извѣстны [1]). Равнымъ образомъ, и благочестивый іерей Михаилъ (мірское имя Святителя) былъ извѣстенъ высокою жизнью за предѣлами своего прихода и духовенству, и мірянамъ. На 40 году жизни, достаточно уже умудренный опытомъ, испытавъ радости семейныя и скорбь разлуки съ супругой, Святитель постригся въ монашество въ Золотниковской пустыни (близъ г. Суздаля). Въ этомъ мѣстѣ своего „обѣщанія“ онъ предполагалъ остаться до конца дней своихъ, „въ безмолвіи жительствовать единъ ко Единому Богу“, въ сторонѣ отъ „житейскихъ попеченій“. Но такому желанію Святитель могъ удовлетворять только очень короткое время. Чрезъ три года инокъ Митрофанъ былъ назначенъ настоятелемъ Козмина Яхромскаго монастыря (Юрьевскаго уѣзда, въ 40 в. отъ г. Владиміра), „по челобитью того монастыря братіи и вотчинныхъ крестьянъ“, очевидно, знавшихъ о его жизни, и возведенъ въ санъ игумена. Въ этомъ званіи Святитель трудился „мало не исполнено 10 лѣтъ“ и обратилъ на себя вниманіе патр. Іоакима, какъ „мужъ благоговѣйный и добродѣтельный“. Въ іюлѣ 1675 г. патріархъ послалъ Св. Митрофана „на игуменство въ обитель Святаго Макарія Унжескую“, гдѣ онъ и пробылъ до 1682 года. Такимъ образомъ, почти двадцать лѣтъ провелъ Св. Митрофанъ въ монастыряхъ въ званіи настоятеля. Какъ ни мало сохранилось свѣдѣній объ этомъ періодѣ жизни Святителя, однако, можно опредѣлить общія

[1]) Можетъ быть, въ томъ самомъ селѣ Сидоровскомъ, Шуйскаго уѣзда, въ которомъ Святитель, до постриженія въ монашество, былъ приходскимъ священникомъ.

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь главнымъ образомъ тѣхъ ревнителей благочестія, которыхъ слѣпая привязанность къ старинѣ увлекла потомъ въ расколъ. Изъ нихъ протопопъ Аввакумъ (род. 1620 или 1621 г.) былъ сперва священникомъ въ селѣ Лопатицахъ, Суздальскаго у., недалеко отъ г. Шуи (*А. Бороздинъ*. Протопопъ Аввакумъ. Изд. 2. СПБ. 1900 стр. 4—5). Никита Константиновъ Добрынинъ (потомъ прозванный Пустосвятомъ) священствовалъ въ Суздалѣ до 1659 г. (Бороздинъ, стр. 96. Ср. также *Н. Коптеревъ*. Патр. Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. часть I. Москва. 1887. стр. 115, примѣч. 7),—извѣстный подвижникъ, Суздальскій митроп. Иларіонъ (род. въ 1632 г.), въ 1654 году поселился во Флорищевой пустыни, Гороховскаго уѣзда (*М. Толстой*. Иларіонъ, митроп. Суздальскій — Душеполезн. чтеніе, 1867 г., ч. I, стр. 267).

черты его настоятельской дѣятельности. Во всѣхъ названныхъ монастыряхъ Святитель строилъ храмы и усердно украшалъ ихъ иконами, разною церковною утварью, колоколами и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботливо устроялъ хозяйственную жизнь обителей и строго взыскивалъ за всякое „плутовство“ съ монастырскихъ рабочихъ и стороннихъ людей. Какъ относился Св. Митрофанъ къ внутренней жизни своихъ монастырей,—прямыхъ свѣдѣній объ этомъ, къ сожалѣнію, нѣтъ. Но изъ одного письма Святителя въ Макарьевъ монастырь можно заключать, что отношенія его къ братіи были наилучшія, основанныя не на страхѣ, а на любви и уваженіи къ настоятелю. По мѣрѣ того, какъ игуменъ Митрофанъ переходилъ въ болѣе видные монастыри, расширялся кругъ его дѣятельности не только хозяйственной, но и административной. Въ Макарьевомъ монастырѣ Святителю пришлось по порученію патріарха исполнять обязанности „десятильника“ (т. е. духовнаго правителя Унженской десятины). Документы упоминаютъ о томъ, что игуменъ Митрофанъ „дозиралъ“ церкви въ Ветлужскихъ селахъ и, вмѣстѣ съ поповскими старостами (нынѣшними благочинными), отбиралъ старопечатные служебники въ Галичѣ и Юрьевцѣ Поволскомъ. Такъ какъ Макарьевъ монастырь издавна былъ предметомъ особаго вниманія дома Романовыхъ, то игум. Митрофанъ сдѣлался лично извѣстнымъ нѣкоторымъ придворнымъ людямъ и самому царю Ѳеодору Алексѣевичу. „Любя великій государь (Ѳеодоръ Ал.) лавру преп. Макарія Унженскую,—разсказываетъ одна рукопись начала XVIII в.,—и хотя къ нему истинную вѣру и любовь показати, ученика и намѣстника его игумена Митрофана, мужа воистинну праведна и свята, въ царствующій градъ Москву любочестнѣ отъ обители приведъ, архіерея того чрезъ рукоположеніе святѣйшаго патріарха, блаженнаго и приснопамятнаго Киръ Іоакима сотворивъ, первопрестольника граду Воронежу со многою честію посла“. Царь и патріархъ, такимъ образомъ, сошлись въ выборѣ и одинаково оцѣнили достоинства игумена Митрофана, когда поднялся вопросъ о замѣщеніи вновь открытыхъ епископскихъ каѳедръ.

Открытіе Воронежской епархіи совершилось при условіяхъ довольно исключительныхъ. Царь Ѳеодоръ, воспитанникъ кіевскаго монаха Симеона Полоцкаго, представилъ духовной власти обширный проэктъ новаго дѣленія тогдашнихъ епархій, причемъ предлагалъ открыть вновь цѣлыхъ 70 каѳедръ. Этотъ грандіозный проэктъ былъ однимъ изъ тѣхъ широкихъ, но чисто доктринерскихъ замысловъ, которыми такъ богато кратковременное правленіе царя Ѳеодора Алексѣевича. Духовная власть, ближе знавшая условія церковной жизни того времени, указала на чрезвычайную широту царскихъ плановъ и на всю ихъ непрактичность. Отцы собора 1682 г. справедливо указывали царю на то, что открытіе новыхъ каѳедръ требуетъ значительныхъ средствъ, а изъ приписныхъ монастырей, которые будутъ даны новымъ архіереямъ, „невозможно вскорѣ того управить и всякаго довольства архіерейскаго чина исполнить“. Всѣ эти разсужденія окончились открытіемъ только 4 новыхъ епархій, въ томъ числѣ и Воронежской. Какъ часто бываетъ, сдѣлано было очень мало потому, что замышляли сдѣлать слишкомъ многое. И Свят. Митрофанъ, человѣкъ не отвлеченнаго, а чисто практическаго направленія, так. образомъ, былъ призванъ проводить въ жизнь теоретическіе замыслы молодого, скоро затѣмъ сошедшаго въ могилу царя Ѳеодора Алексѣевича.

Мы видѣли, съ какою жизненною подготовкой вступилъ Св. Митрофанъ на епископскую каѳедру. Но въ числѣ обстоятельствъ, сильно вліявшихъ на послѣдующую пастырскую дѣятельность Свят. Митрофана, мы должны указать еще одно, которое было, такъ сказать, послѣднимъ урокомъ жизненной мудрости для новаго епископа. Мы разумѣемъ здѣсь извѣстный раскольническій мятежъ, начавшійся въ Москвѣ вскорѣ послѣ кончины царя Ѳеодора Алексѣевича. Это событіе двояко отразилось на дѣльнѣйшей дѣятельности Св. Митрофана. Безъ сомнѣнія, расколъ и ранѣе былъ хорошо знакомъ Святителю, еще въ Суздальскомъ краѣ, гдѣ раскольники издавна свили себѣ прочное гнѣздо. Но въ Московскомъ мятежѣ Св. Митрофану пришлось съ особенною очевидностью убѣдиться въ томъ, что неразумный религіозный протестъ во имя старыхъ церковныхъ обрядовъ можетъ вести къ потрясающей государственной смутѣ. Въ этой смутѣ все перемѣшалось: многіе, думавшіе стоять за церковную старину, неожиданно для себя оказались въ рядахъ враговъ общественнаго порядка, а люди, желавшіе по

разнымъ побужденіямъ политической смуты, становились подъ знамя „старой вѣры“; подъ предлогомъ возстановленія стараго, раскольники ниспровергали все—и старое, и новое. Вмѣстѣ со многими другими іерархами Св. Митрофану пришлось не только передумать въ мысляхъ, но и всѣмъ своимъ существомъ перечувствовать тѣ опасныя послѣдствія, какія таятся въ раскольническомъ отдѣленіи отъ господствующей церкви. Сознаніе необходимости порядка подъ этими впечатлѣніями переходило въ органическое чувство, въ инстинктъ самосохраненія, а авторитетъ власти церковной и государственной выросталъ въ недосягаемую высоту.—Другія послѣдствія тревожныхъ событій 1682 года для Свят. Митрофана выразились въ томъ, что смута значительно увеличила трудность начавшагося пастырскаго служенія Святителя и съ матеріальной, и съ нравственной стороны. При открытіи Воронежской епархіи ея епископу обѣщали позаботиться о его матеріальномъ обезпеченіи. Но потомъ, за лѣтними событіями забыли о нуждахъ новой маленькой епархіи. Св. Митрофанъ, по его словамъ, „отпущенъ съ Москвы на Воронежъ въ смутное время, а ничѣмъ не пожалованъ“; въ первое время его епископства, благодаря этому, „на Воронежѣ въ дому Пресвятыя Богородицы вотчинъ и никакихъ угодей нѣтъ, стоитъ въ забвеніи, и онъ, Митрофанъ епископъ, ничѣмъ не взысканъ и съ домовыми своими людьми живетъ на Воронежѣ на постоялыхъ дворѣхъ съ большою нуждею, хлѣбъ покупая“. Нравственныя послѣдствія Московской смуты для Воронежскаго края были еще существеннѣе. Мы не будемъ утомлять вашего вниманія подробною характеристикою того печальнаго общественнаго и религіозно-нравственнаго состоянія, въ которомъ былъ Воронежскій край предъ открытіемъ въ немъ епископской каѳедры,—это сдѣлано уже въ работахъ другихъ изслѣдователей Воронежской старины. Для нашей цѣли въ настоящую минуту достаточно напомнить только слѣдующія характерныя слова изъ одной челобитной Св. Митрофана. „У насъ мѣсто украинское,—жаловался Святитель правительству,—и всякаго чину люди обыкли жить неподвластно, по своей волѣ“. Въ этихъ словахъ Святителя дается наилучшая общая характеристика того духа, который царилъ въ Воронежскомъ краѣ. Уходя добровольно или невольно изъ центральной Московской Руси на южную окраину, въ степной просторъ, тогдашній русскій человѣкъ порывалъ связь со всѣмъ прошлымъ, развязывалъ тяготившія его узы общественныя, семейныя и нравственныя и начиналъ жить неподвластно, по своей волѣ. Намъ, съ дѣтства воспитаннымъ въ мысли о порядкѣ, какъ основѣ всякаго общежитія, трудно и представить себѣ то нестроеніе, которое господствовало въ жизни Воронежской украйны конца XVII в. Волна смуты 1682 года, всколыхнувшая Москву, докатилась и до Воронежскаго края и еще болѣе подняла настроеніе въ его мятежныхъ элементахъ. „На Москвѣ стало смятеніе, а наша рука возвысилась“,—говорилъ въ 1682 году одинъ священникъ Воронежскаго края. „Со 190 (1682) г.,—показывали Донскіе жители,—умножилось на Дону воровъ и раскольниковъ“, Донъ наполнился бѣглецами.—Въ такомъ печальномъ состояніи засталъ свою паству прибывшій въ Воронежъ Св. Митрофанъ. Двадцать одинъ годъ онъ трудился надъ устроеніемъ религіозно-нравственной жизни своей епархіи. Здѣсь, среди своей паствы, онъ нашелъ мѣсто вѣчнаго упокоенія; здѣсь же онъ оставилъ своими трудами по себѣ прочную память, которая современемъ стала чтиться всею русскою церковью, какъ „память святая“. Какія же общія начала проникали эту долговременную и неустанную работу Святителя?

III.

Зная въ общихъ чертахъ предшествующую подготовку Святит. Митрофана, мы напрасно стали бы искать въ его Воронежской дѣятельности слѣдовъ увлеченія какой-либо программой, выработанной путемъ отвлеченнаго умозрѣнія. Въ цѣльной, уравновѣшенной личности Святителя, сложившейся подъ вліяніемъ жизненныхъ уроковъ, не было мѣста для отвлеченности и доктринерства. Оглядывая на смертномъ одрѣ угасающимъ взоромъ свою пастырскую жизнь, Святитель говоритъ не о теоретическихъ началахъ или планахъ, а о томъ конкретномъ чувствѣ, которое постоянно наполняло его душу. „О истязаніи и взысканіи преданнаго мнѣ грѣшному епископу Митрофану народа христіанскаго,—пишетъ Святитель въ завѣщаніи,—вельми боязнію содержуся“.

Трудно лучше охарактеризовать и общее направленіе и главное движущее начало пастырской дѣятельности Святителя, чѣмъ какъ это сдѣлалъ онъ самъ въ приведенныхъ словахъ. Дѣйствительно, вся епископская жизнь Св. Митрофана ясно отражаетъ въ себѣ благоговѣйный страхъ за ввѣренныя его попеченію души. Это высокое чувство, всегда одинаково сильное въ сердцѣ Святителя, разнообразилось только въ зависимости отъ различія тѣхъ общественныхъ группъ или отдѣльныхъ лицъ, на которыхъ была обращена дѣятельность Св. Митрофана.

Древняя допетровская Русь завѣщала новой вѣками воспитанный взглядъ на монашество, какъ на высшую форму религіозно-нравственной жизни, а на монастыри, какъ разсадники просвѣщенія, нравственности и какъ на хозяйственно-экономическіе центры. „Теплая преподобныхъ отецъ молитва,—говорилъ набожный царь Алексѣй Михайловичъ,—много споспѣшествуетъ всяческимъ нуждамъ человѣческимъ“. Русь Петровская, стягивавшая всѣ народныя силы на служеніе обществу, отвергла прежній идеальный взглядъ на монастыри и обратилась къ монахамъ съ жесткимъ укоромъ: „а что говорятъ: молятся, то и всѣ молятся; что же прибыль обществу отъ сего“.. Реформаторы хотѣли превратить монастыри въ инвалидные дома, богадѣльни, больницы и т. п. государственныя учрежденія, при чемъ увлеченіе этой утилитарной точкой зрѣнія на монашество простиралось иногда такъ далеко, что духовная власть должна была, наприм., однажды разъяснять Сенату такую простую истину, что „монастыри устроены не на лошадей (полковыхъ, которыхъ Сенатъ хотѣлъ помѣстить въ самыхъ монастыряхъ), а на прославленіе Божія имени, и утруждать тѣми оныхъ, яко домовъ святыхъ, не надлежитъ“ [1]).—Св. Митрофанъ принесъ съ собой на югъ прежній, древнерусскій взглядъ на монастыри и монашество, съ которымъ онъ выросъ и сжился и на сѣверѣ. Но, проводя этотъ взглядъ въ своей епископской дѣятельности, Святитель, съ одной стороны, ревностно боролся съ темными явленіями въ нравственной жизни придонскаго монашества, а съ другой—строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы оно не уклонялось отъ общегосударственныхъ интересовъ. Вмѣстѣ съ требованіемъ вести строгую отчетность монастырскихъ доходовъ и расходовъ, Святитель упорядочивалъ и нравственную жизнь въ монастыряхъ, вводилъ здѣсь уставную церковную службу, единогласное и немятежное пѣніе, располагалъ монаховъ безъ лѣности ежедневно посѣщать церковь, выполнять келейное правило, посты, жить между собою въ мірѣ и быть въ монастырѣ неисходно; запрещалъ пускать въ монастырь „съ кружечнаго двора со всякимъ продажнымъ питьемъ“. Настоятелямъ монастыря Святитель внушалъ учить братію заповѣдямъ и преданію св. апостоловъ и отецъ, а чтобы эти наставленія имѣли силу, самому начальнику должно „наипаки къ церковному пѣнію и къ трудомъ и ко всякому доброму дѣлу быти подвижну и чисту и показати образъ и во всемъ житіе доброе и благоугодное“. И увѣщаніями, и мѣрами строгости Св. Митрофанъ искоренялъ въ монастыряхъ пьянство, бродяжничество по міру и другіе пороки, связанные съ необразованностью иноковъ, ряды которыхъ въ Воронежскомъ краѣ пополнялись простыми мужиками или людьми, искавшими „пристанища жить“. Своимъ любящимъ сердцемъ Святитель особенно чутко относился къ монастырской скудости и всегда готовъ былъ придти на помощь къ нуждающимся инокамъ. Онъ не отказываетъ въ выдачахъ монахамъ и монахинямъ то на новокупленную книгу, то на погорѣлое мѣсто, то вообще на монастырское строеніе. Но когда монашествующіе забывали свою религіозно-нравственную цѣль и вмѣшивались въ дѣла Донскихъ казаковъ, имѣли общеніе съ раскольниками или въ нетрезвомъ видѣ говорили по адресу правительства „непристойныя рѣчи“,—Святитель уже не оказывалъ имъ никакого снисхожденія и отдавалъ на строгій судъ свѣтской власти.

Эти усердныя заботы о поддержаніи „иноческаго чина“ въ Воронежскихъ монастыряхъ не мѣшали Свят. Митрофану удѣлять такое же вниманіе и „чину мірскому“.—„Простецъ согрѣшивый за свою едину душу отвѣтъ дастъ Богу, а іерей—за многихъ паствы своея“—говоритъ въ духовномъ завѣщаніи Святитель. Эта мысль побуждала его прилагать особое попеченіе о священникахъ, какъ руководите-

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Свят Сѵнода Томъ I. СПБ. 1868. Столб. 605

ляхъ религіозной жизни Воронежскаго края. Когда Св. Митрофанъ вступилъ на каѳедру, среди священниковъ его епархіи было много людей недостойныхъ, которыхъ обличали въ воровскихъ и разбойныхъ дѣлахъ и которыхъ Святитель долженъ былъ „обнажать (т. е. лишать) священства". Иные священники часто и на продолжительное время отлучались изъ своего села, такъ что „у нихъ въ приходѣ пѣнія Божьяго не бывало и въ домахъ родильницы лежали безъ молитвы многое время". Общественное положеніе священниковъ и до Святителя, и при немъ, по условіямъ того времени, было крайне безправное. Озорники-помѣщики не только увѣчили своихъ приходскихъ священниковъ смертнымъ боемъ даже въ церкви, но и распоряжались такъ, что, наприм., священникъ, воспротивившійся продажѣ помѣщикомъ сельской церкви на сносъ, исчезалъ безслѣдно, а его бѣдная вдова, ограбленная и разоренная, должна была съ дѣтьми идти по міру. То „моленіемъ", то „наказаніемъ" Св. Митрофанъ боролся съ недостойною жизнью пастырей. Онъ запрещалъ священникамъ заниматься торговлей и вообще мірскими дѣлами, отлучаться безъ крайней нужды изъ своего прихода, прикладывать руки къ дѣламъ спорнымъ и сомнительнымъ; за безчинное житіе и за пьянство онъ „смирялъ" священниковъ монастырскимъ покаяніемъ и снималъ съ нихъ скуфью, т. е. запрещалъ священнослуженіе. Святитель внушалъ пастырямъ „отъ божественнаго писанія ко всякому благочестію поучати (прихожанъ) непрестанно". На освободившіяся священническія мѣста онъ отказывался ставить людей, недостаточно подготовленныхъ или почему-либо не пригодныхъ для пастырства. Изъ другихъ епархій Святитель принималъ къ себѣ священниковъ только съ отпускными грамотами отъ мѣстныхъ епископовъ. Онъ вступался за обижаемыхъ священниковъ, донося правительству о „безстрашникахъ и ругателяхъ и озорничествѣ къ священному чину", а иныхъ самъ отлучалъ „отъ входа въ церковь и отъ святыни, покаместа онъ (виновный) придетъ въ покаяніе и о разрѣшеніи станетъ проситъ прощенія и съ попомъ смирится".—Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, въ концѣ XVII в., по словамъ одного изслѣдователя, замѣчается „значительное обновленіе и пополненіе всего состава духовенства въ Воронежскомъ краѣ".

Заботы Свят. Митрофана о „простецахъ", т. е. обо всѣхъ мірянахъ его епархіи, по недостатку историческихъ данныхъ, не могутъ быть изображены съ желаемой полнотой. Но и уцѣлѣвшія отрывочныя свѣдѣнія характеризуютъ общее направленіе этой стороны въ дѣятельности Святителя. Сохранившіяся данныя показываютъ, какъ усердно старался Св. Митрофанъ укрѣпить въ своихъ пасомыхъ мысль о чистотѣ и святости брака. Украинское своеволіе Воронежскихъ жителей ни въ чемъ такъ широко не проявлялось, какъ въ области семейныхъ отношеній. Воронежскіе помѣщики женили „насильствомъ" своихъ крестьянъ, отнимали у нихъ женъ и дѣтей. Сами заводили у себя цѣлые гаремы. Глядя на нихъ, и ихъ крестьяне стали жить съ женами „не молитвя", т. е. безъ церковнаго благословенія. Кромѣ мѣстныхъ „озорниковъ", разорителями семейныхъ союзовъ являлись казаки, которые сманивали на Донъ чужихъ женъ и безъ вѣдома родителей брали замужъ ихъ дочерей „бѣгомъ". Въ концѣ XVII в. нахлынувшіе въ Воронежскій край иностранцы принесли собой распущенность. Со всѣми этими печальными явленіями Святитель велъ непрерывную борьбу и медленно, шагъ за шагомъ упорядочивалъ украинскую семью. По распоряженію Святителя, по всѣмъ приходскимъ церквамъ были заведены скрѣпленныя казначеемъ архіерейскаго дома записныя тетради, куда священники должны были записывать всѣ браки, точно обозначая жениха и невѣсту. Безъ архіерейскаго благословенія не велѣно было жениться нищимъ, очевидно, какъ такимъ людямъ, которые въ борьбѣ съ бѣдностью могли недостаточно сознавать святость семейныхъ узъ. Браки Донскихъ казаковъ съ Воронежскими жительницами Святитель старался обставить строгой провѣркой. Казаки должны были свататься на Воронежѣ „при стороннихъ людехъ, полюбовно и съ ходатыми сваты, добрыми людьми", а родители и родственники невѣстъ заявляли свѣтской власти, что дочь ихъ идетъ за казака замужъ добровольно и полюбовно, по совѣту, а не „бѣгомъ". Только по выполненіи всѣхъ этихъ условій изъ Казеннаго архіерейскаго приказа выдавалась „вѣнечная память", т. е. разрѣшеніе на бракъ, да и то иногда Святитель, опасаясь „гнѣва великихъ государей", затруднялся давать „памяти" казакамъ безъ указа патріарха, къ епархіи

котораго принадлежала Донская область. Съ такою же осмотрительностью относился Святит. Митрофанъ и къ просьбамъ о расторженіи брака, съ которыми часто обращались къ нему Воронежскіе жители, привыкшіе смотрѣть на разводъ столь же легко, какъ и на бракъ. Даже въ случаяхъ явнаго нарушенія однимъ изъ супруговъ вѣрности другому Святитель не спѣшилъ разводомъ, а замѣнялъ его церковнымъ покаяніемъ или денежнымъ штрафомъ. Очевидно, жизненный опытъ далъ возможность Святителю убѣдиться въ томъ, что часто разводъ ничего не доставлялъ семьѣ, кромѣ окончательной нравственной гибели, а раскаяніемъ согрѣшившаго супруга можетъ возстановиться надломленное семейное счастье.—Противъ людей распущенныхъ Св. Митрофанъ обращалъ мѣры строгости, которыя сообразовались съ нравами того времени. До слуха Святителя дошло, что въ селахъ Коротоякскаго уѣзда „многіе люди, забывъ страхъ Божій и преступивъ христіанскій законъ, въ святой и великій постъ пьянствуютъ и въ пьянствѣ во всякое прегрѣшеніе и безчиніе впадаютъ и къ церкви Божіей къ Божественной службѣ не ходятъ“. Святитель предписываетъ священникамъ по всѣмъ селамъ уѣзда „учинить заказъ крѣпкій съ великимъ подтвержденіемъ“, чтобы прихожане въ великій постъ постились, удалялись отъ пьянства, ходили къ службѣ и на покаяніе къ отцамъ духовнымъ. На ослушниковъ этого указа, забывателей закона христіанскаго и безчинниковъ священники должны доносить епископу чрезъ духовные приказы, а старосты поповскіе обязаны такихъ лицъ задерживать („имать“) и присылать за поруками въ Воронежъ. Если же священники начнутъ таить безчинствующихъ, „а про то учинитца вѣдомо мимо ихъ,—за то имъ быть въ большой пени и въ правильномъ смиреніи“. Развратный Гвоздевскій помѣщикъ Гаврилъ Шишкинъ, послѣ многихъ укрывательствъ, былъ вытребованъ Св Митрофаномъ въ духовный приказъ и посаженъ здѣсь „за приставы“, а затѣмъ закованный въ цѣпи, отосланъ въ хлѣбню Воронежскаго Успенскаго монастыря. Но эта строгость Святителя вовсе не была неразборчивою жестокостью. Извѣстенъ случай, когда Святитель отмѣнилъ назначенную его суднымъ приказомъ пеню за проступокъ, принявъ во вниманіе, что осужденная личность участвовала во грѣхѣ (прелюбодѣяніе) „по неволи“.

Инымъ оружіемъ боролся Свят. Митрофанъ противъ такихъ золъ общественной жизни, какъ убожество, нищета и безпомощность. Теоретики-преобразователи, мечтавшіе о „довольности народной“, хотѣли изгнать нищенство батогами, каторгой и посылкой къ мануфактурамъ“. „Здравіи и лѣнивіи прошаки,—читаемъ въ одномъ законодательномъ памятникѣ Петровской эпохи,—Богу противны суть, и аще кто снабдиваетъ оныхъ, и той есть яко помощникъ, тако и участникъ оныхъ же грѣха“. Но Воронежскій Святитель, черпавшій свою мудрость не изъ утопическихъ трактатовъ, а изъ жизненнаго опыта и изъ Слова Божія, этого грѣха не боялся. Онъ зналъ, что подъ видимымъ тѣлеснымъ здоровьемъ можетъ часто скрываться душа, больная отъ горя и разныхъ житейскихъ золъ, лишающихъ человѣка возможности спокойно выполнять свою долю труда. Святитель зналъ также, что къ заповѣди: „просящему у тебя дай“—не прибавлено никакихъ оговорокъ. Поэтому святитель щедрою рукой раздавалъ милостыню нищимъ, страннымъ прохожимъ, нагимъ неимущимъ на платье, полоняникамъ, тюремнымъ сидѣльцамъ, ссылочнымъ и прочему убогому люду. „Дано нищимъ“, „поручено“ (р. е. роздано по рукамъ), „выдано въ милостыню“—эти краткія записи, постоянно повторяющіяся въ расходныхъ книгахъ, звучатъ, какъ припѣвъ акаѳиста, и въ ихъ сухомъ языкѣ свѣтится любвеобильный образъ Св. Митрофана. Дома Святитель почти ни одного дня не могъ провести безъ милостыни, а его праздничная радость выражалась особенно щедрою раздачею „въ тюрьмѣ и въ шатрѣ Государевымъ, въ богадѣльнѣ, въ колодническої избѣ и въ Приказѣ, за рѣшоткой и по караульнямъ“. Когда же Святитель куда-нибудь двигался съ мѣста, то его путешествіе всякій разъ имѣло такой видъ, какъ будто оно предпринималось исключительно съ цѣлью отыскивать нуждающихся. Собираясь ѣхать по епархіи, Святитель беретъ „въ келью архіерейскую казенныхъ денегъ 100 рублевъ (на наши деньги около 1000 рублей) для раздачи въ милостыню погорѣлымъ и по тюрьмамъ и по богадѣльнямъ и по приказамъ и нищимъ и убогимъ и ссылочнымъ и всякаго чину людемъ и въ раздачу жъ въ шествіе архіерейское мужскихъ и женскихъ монастырей монахамъ и монахинямъ, гдѣ архіерей епархіи своей въ городѣхъ бываетъ“. Это нище-

любіе Святит. Митрофана получаетъ особую цѣну въ виду того, что оно не было благотворительностью какого-нибудь филантропа, удѣляющаго бѣднымъ избытки отъ своего сытаго довольства и находящаго въ этомъ занятіи развлеченіе отъ праздной скуки. По тѣмъ же приходорасходнымъ книгамъ, гдѣ на каждой страницѣ идетъ рѣчь о милостынѣ, видно, какъ скромны были траты на одежду, пищу и всю вообще обстановку Святителя. Одежда изъ крашенины и овчинъ, оловянная посуда, столъ изъ самыхъ простыхъ продуктовъ,—таковъ былъ „домовой обиходъ“ Святителя, тратившаго на благотворительность въ общемъ очень большія суммы. „Храни мѣрность, воздержно пій, мало яждь“,—всѣ эти правила „мудрыхъ мужей“ Свят. Митрофанъ осуществлялъ въ своей личной жизни и, повидимому, только въ одномъ нищелюбіи онъ не зналъ „мѣрности“. И въ этомъ полномъ отреченіи отъ жизненныхъ удобствъ самъ Святитель не видѣлъ какой-нибудь своей особой заслуги, подвига. Въ первые дни своего епископства въ Воронежѣ онъ просто и откровенно заявляетъ правительству, что съ домовыми своими людьми „живетъ на постоялыхъ дворѣхъ съ большею нуждею, хлѣбъ покупая“. Въ предсмертномъ завѣщаніи съ тою же трогательною простотою Святитель говоритъ: „а келейныхъ моихъ денегъ у меня нѣтъ....; не имамъ въ келліи своей ни злата, ни сребра что дати на воспоминаніе души моей грѣшной“...

Монастырь и церковный приходъ, семья и нищая братія,—эти части „христіанскаго народа“, въ одинаковой мѣрѣ были предметомъ пастырскаго попеченія Свят. Митрофана. Во всѣхъ этихъ областяхъ, какъ мы видѣли, Святитель проявлялъ растворяемый любовью страхъ потерять хоть одну ввѣренную ему христіанскую душу. Смотря по обстоятельствамъ, Святитель дѣйствовалъ на пасомыхъ то любовію, то страхомъ. „Озорники, безстрашники и ругатели“ видѣли въ немъ грознаго судію; люди, обиженные судьбой или своими собратіями, имѣли въ немъ любвеобильнаго заступника. Зная по личному опыту всю тяжесть пастырства, Святитель особенно цѣнилъ всякое содѣйствіе ему въ трудахъ. Это ясно сказывается въ той нѣжной заботливости о своихъ ближайшихъ сотрудникахъ, которая выражена на послѣднихъ листахъ завѣщанія Святителя. Онъ проситъ здѣсь „не оскорбить и не утѣснить“ его домовыхъ людей, которые „подъяли труды великіе“ по своимъ должностямъ: „я за ними никакого порока не видалъ,—пишетъ Святитель,—труды полагали истинно и послушаніе къ намъ творили во всемъ“.

Чтобы не злоупотреблять вашимъ вниманіемъ, мы не будемъ останавливаться на другихъ сторонахъ дѣятельности Св. Митрофана, не будемъ говорить о его отношеніи къ расколу, о его хозяйственныхъ заботахъ и о дѣятельности строительной, выразившейся главнымъ образомъ въ построеніи и украшеніи каѳедральнаго Благовѣщенскаго собора. Скажемъ только, что личность Святителя и въ этихъ областяхъ его дѣятельности выступаетъ съ одинаковыми чертами. Скромно и терпѣливо трудился Свят. Митрофанъ, иногда „чрезъ мочь свою въ великой скорби“,—какъ выражается онъ объ одномъ изъ своихъ помощниковъ,—нисколько не думая о высотѣ своего подвига. Результаты этой работы оставались въ сердцахъ паствы и переходили въ сокровищницу русскаго народнаго духа такъ же незамѣтно, какъ незамѣтно тихій потокъ катитъ свои свѣтлыя волны въ обширное море; а въ сухихъ дѣловыхъ бумагахъ, сохранившихся отъ временъ Св. Митрофана въ очень скудномъ количествѣ, нѣкоторыя стороны его дѣятельности обозначены только неясными намеками. При такихъ условіяхъ имя Св. Митрофана, не смотря на важность его трудовъ для Воронежскаго края, могло бы остаться вовсе не отмѣченнымъ на страницахъ общерусской исторіи, еслибы обстоятельства не связали его съ именемъ Петра Великаго.

IV.

Послѣ юношескихъ потѣхъ на озерахъ сѣверной Руси и на Бѣломъ морѣ, возмужавшій Петръ Великій приступаетъ къ „настоящему дѣлу“. Онъ рѣшается открыть себѣ доступъ къ Азовскому и Черному морямъ. Неудачный первый походъ подъ Азовъ заставилъ царя заняться изготовленіемъ Донской флотиліи. И вотъ Воронежъ съ ближайшими къ нему городками (по р. Воронежу) на нѣсколько лѣтъ превратился въ обширную карабельную верфь. Изъ скучнаго украинскаго

города, жизнь котораго прежде только изрѣдка разнообразилась проѣздомъ пословъ или казацкихъ станицъ, Воронежъ превратился въ шумный и оживленный пунктъ, напоминавшій иностранцамъ Портсмутъ или Марсель. Населеніе Воронежа увеличилось въ нѣсколько разъ. Тысячи рабочихъ, подъ руководствомъ иностранныхъ мастеровъ, заняты „государевымъ корабельнымъ дѣломъ“; другіе изготовляютъ на литейныхъ заводахъ пушки; здѣсь же обучаются рекруты, которыхъ сажаютъ на изготовленныя суда и отправляютъ на войну. Самъ царь пріѣзжаетъ въ Воронежъ, подолгу здѣсь живетъ. Съ появленіемъ Петра Великаго въ Воронежѣ дѣлается то-же, что дѣлалось и въ другихъ мѣстахъ его пребыванія: работа достигаетъ крайняго напряженія; царь „въ потѣ лица своего ѣстъ хлѣбъ свой“, лично участвуя въ работахъ; трудовые дни смѣняются шумными праздниками и „боями съ Ивашкой Хмельницкимъ“; русскіе жители по волѣ царя снимаютъ бороды и наряжаются въ нѣмецкое и французское платье.

Каково же было положеніе Воронежскаго Св. Митрофана среди этой шумной толпы людей и какъ онъ относился ко всему, что происходило вокругъ него?—Несомнѣнно, что многія явленія Воронежской жизни въ эту эпоху ложились на Свят. Митрофана нелегкимъ бременемъ и съ матеріальной, и съ нравственной стороны. Вмѣстѣ со всѣмъ населеніемъ Воронежскаго края архіерейскій домъ несъ тяжелую судовую повинность, участвуя въ извѣстныхъ „кумпанствахъ“. Изъ архіерейскихъ вотчинъ берутъ „на обиходъ великаго государя на Воронежъ“ хлѣбные запасы, съ обѣщаніемъ отдать ихъ изъ дворцовой волости, и это обѣщаніе остается невыполненнымъ. Одни и тѣже сборы взыскиваются съ монастырей по дважды. Монастырскіе крестьяне приставляются къ работамъ, которыя они часто должны производить „денно и нощно безотступно“. Они стоятъ на корабельномъ дѣлѣ „безъ съѣзду и лошадишками оскудали, опали и обвелись на работѣ“. А между тѣмъ въ самомъ монастырѣ въ это время „церковь Божія вельми ветха и около монастыря городбишки нѣтъ и дровишекъ привести некому и купить не на что и оправить церковь Божію и монастырью городьбу некому, и пахать хлѣба некому и тѣхъ

бобыльскіе жены и дѣти побираются и кормятся милостынею“. Монастырямъ раздаются на прокормъ „лошади государскіе, покамѣстъ ихъ спросятъ, а ихъ у монастыря кормить и караулить некому, съ великою нуждою кормятъ и караулятъ въ деревнѣ малые ребята“. Отъ „великія работы“ монастырскіе крестьяне „расходятся“, т. е. бѣгутъ въ разныя стороны, а главнымъ образомъ—на Донъ. Монастырскія угодья захватываются рабочими людьми солдатами Самый домъ Св. Митрофана и каѳедральный соборъ испытываютъ стѣсненіе и обращаются въ военные склады: погреба подъ соборомъ и на дворѣ преосвященнаго епископа подъ каменными палаты занимаются „для ставки зелейной (пороховой) казны“. На конюшенномъ и запасномъ архіерейскомъ дворѣ „провѣшена ветчина“, которая въ громадномъ количествѣ заготовлена „для низовой службы“ и охраняется казаками и стрѣльцами. Шумная жизнь корабельной верфи, расположенной на островѣ и по берегу рѣки, отзывается на горѣ, гдѣ стоялъ архіерейскій домъ и соборъ. Стукъ топоровъ, пѣсни рабочихъ, постоянные пушечные выстрѣлы,—въ такой обстановкѣ трудно сохранять молитвенное настроеніе. Поэтому близкіе къ верфи монастыри переводятся на другія мѣста. Только Святителю Митрофану некуда было уйти отъ этой суеты, и, понятно, её не легко было выносить человѣку, который достигъ уже „престарѣнія“, „изнемогалъ тѣлесною крѣпостію“ и часто „скорбѣлъ зѣльно“. Тяжелы были матеріальныя условія и обстановка ежедневной жизни Св. Митрофана. Но еще тяжелѣе были явленія нравственной жизни Воронежа въ Петровскую эпоху, имѣвшія непосредственное отношеніе къ пастырской дѣятельности Святителя. По р. Воронежу раскинулась „нѣмецкая слобода“, населенная разнымъ заграничнымъ сбродомъ, людьми, которые прибыли въ чужую землю только ради наживы и которыхъ звали въ Россію, вовсе не справляясь о ихъ нравственныхъ качествахъ. Результаты этого наплыва иноземныхъ мастеровъ въ Воронежъ были тѣже, что и въ Москвѣ отъ сосѣдства „нѣмецкой слободы“. Пріѣзжая на работу безъ семействъ, иностранцы вносили въ жизнь Воронежскаго края распущенность. Благодаря постоянному общенію съ ними, Воронежцы начинали жить „по иноземному обычаю“, нарушали

посты и т. п. Этотъ вредъ отъ чужестранцевъ усиливался „дуровствомъ“ своихъ солдатъ, прибывавшихъ въ Воронежъ или проходившихъ чрезъ него. Крутыя мѣры, примѣнявшіяся царемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хотѣлъ двинуть работы быстрѣе, усиливали грубость нравовъ. Воронежскія тюрьмы были переполнены; за провинности отцовъ и мужей въ нихъ попадали жены и дѣти. Розыскныхъ дѣлъ въ Воронежѣ „зѣло много“... Крупныя злоупотребленія царскихъ приставниковъ подрывали въ народѣ уваженіе къ правдѣ, понижали нравственность.

Такимъ образомъ, тѣ годы жизни Св. Митрофана, въ которые онъ былъ свидѣтелемъ Петровской дѣятельно- въ Воронежѣ, были для него годами тяжелаго испытанія. И не было бы ничего удивительнаго въ томъ, если бы Святитель раздѣлилъ общее недовольство Воронежскаго края царскими начинаніями. Епископъ Воронежскій едвали не болѣе всѣхъ тогдашнихъ русскихъ епископовъ имѣлъ поводъ не сочувствовать Петру Великому и, вслѣдствіе этого, „обрѣтаться не въ авантажѣ“. Не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Самъ Свят. Митрофанъ въ одномъ письмѣ къ патріарху, относящемся къ началу Воронежской дѣятельности Петра Великаго, говоритъ о „благопріятствѣ и милостивомъ жалованіи“ къ нему царя, а этотъ послѣдній горько оплакиваетъ кончину „святого старца“ и сожалѣетъ, что другіе іерархи не таковы. Что же связало этихъ двухъ дѣятелей, столь видимо различныхъ, какъ дѣло Божіе отлично отъ дѣла Кесарева?

Самою общею основою благожелательнаго отношенія Св. Митрофана къ Петру Великому, несомнѣнно, было глубокое уваженіе Святителя къ „благочинію“, т. е. къ порядку, законности и къ царю, какъ живому носителю этой идеи порядка. Мы говорили уже о томъ, какъ Московская смута 1682 года укрѣпила въ Св. Митрофанѣ сознаніе всей необходимости прочной государственной власти не только для успѣшнаго развитія общественной жизни, но и для самаго бытія всякаго общества. Эта мысль, въ связи съ усвоеннымъ Святителемъ съ дѣтства церковнымъ взглядомъ на царя, какъ власть богоустановленную и на сердце царево, какъ находящееся въ рукѣ Божіей, и давала Свят.

Митрофану возможность безропотно переносить всѣ тяготы, вызванныя Петровской работой въ Воронежѣ.

Другимъ и самымъ сильнымъ побужденіемъ для Святителя сочувствовать Петру Великому было то религіозное оправданіе, которое находило себѣ главное дѣло царя въ Воронежѣ—постройка флота. Пока въ Воронежѣ дѣлались корабли, Петръ отправился за границу учиться и писалъ оттуда патріарху Адріану: „Мы благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи, живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что̀ чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли возвратясь, противъ враговъ имени Іисусъ Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, освободителями благодатію Его быть, чего до послѣдняго издыханія желать не перестану“. Несомнѣнно, такія же рѣчи слышалъ отъ Петра Великаго и Св. Митрофанъ въ Воронежѣ. Отправляясь въ Азовскій походъ на „своего государскаго непріятеля, на турского солтана“, Петръ Великій вмѣстѣ съ тѣмъ шелъ на враговъ Креста Христова. Эта возвышенная цѣль Петровской дѣятельности на Дону и побуждала Святителя не только совершенно забывать о всѣхъ своихъ тяготахъ, но и оказывать царской работѣ и матеріальную, и нравственную помощь. „Для общія и христіанскія пользы, на вспоможеніе святыя войны противъ непріятеля Креста святаго, по доброжелательной ревности своей“ къ Петру Великому, Св. Митрофанъ жертвуетъ изъ домовой казны на флотъ очень крупныя суммы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лично, въ простыхъ поученіяхъ разъясняетъ народу „намѣренія государевы“ и убѣждаетъ рабочій людъ мириться съ тяжелыми трудами и всѣми невзгодами, съ которыми было связано выполненіе „намѣреній“. Всѣ эти поступки Святителя получали смыслъ высокихъ патріотическихъ дѣяній на пользу всего отечества. Такого „усердножелательнаго радѣнія къ государю и ко всему христіанскому народу“ не могъ не оцѣнить Петръ Великій, и за это именно онъ и отвѣчалъ Святителю „благопріятствомъ и милостивымъ жалованьемъ“. Мотивы пожертвованія были въ этомъ случаѣ для царя еще дороже самой жертвы, хотя и эта послѣдняя, какъ сдѣланная въ трудную минуту и притомъ человѣкомъ, который во всемъ себѣ

отказывалъ, должна была имѣть въ глазахъ Петра Великаго высокую цѣну.

Наконецъ, нельзя не упомянуть и о чисто личныхъ мотивахъ, вызывавшихъ взаимное расположеніе у Свят. Митрофана и Петра Великаго. Изслѣдователи, касавшіеся этого вопроса, расходятся въ мнѣніяхъ. Одни обозначаютъ личныя отношенія царя къ Святителю именемъ „дружбы"; другіе говорятъ, что такой близости между ними не было и быть не могло, а были лишь „благожелательныя отношенія". Мы съ своей стороны займемъ средину между этими двумя взглядами. По нашему мнѣнію, близость Петра Великаго къ Св. Митрофану была меньше дружбы, но болѣе простой благосклонности. Другими словами, отношенія этихъ двухъ дѣятелей, помимо взаимнаго уваженія, скрѣплялись и сердечной симпатіей. Намъ кажется, что узелъ этой сердечной близости Петра Великаго со Святителемъ могъ завязываться главнымъ образомъ въ той области, которая служитъ высшимъ проявленіемъ сердца,—въ области религіозной. Утвержденіе, что Петръ Великій былъ религіозенъ, можетъ быть встрѣчено улыбкой. Но мы считаемъ долгомъ исторической правды заявить, что обстоятельное знакомство съ жизнью Преобразователя вполнѣ убѣждаетъ въ этой мысли. Попавъ съ юныхъ лѣтъ въ дурное общество „нѣмецкой слободы" и „потѣшныхъ людей", Петръ привыкъ въ часы досуга веселиться, не стѣсняясь требованіями религіи; въ забавахъ онъ доходилъ до легкомысленнаго кощунства надъ священными предметами, устраивая и изъ нихъ предметы потѣхи. Но какъ только онъ переходилъ къ дѣлу и особенно когда онъ былъ занятъ вопросами серьезными, вопросами жизни,—въ его душѣ видно сильное религіозное чувство. Не даромъ Петръ такъ любитъ свой „трудъ" ставить въ зависимость отъ „заповѣди Божіей праотцу Адаму". Въ письмахъ къ своимъ сподвижникамъ, предъ которыми ему не было нужды лицемѣрить или рисоваться, Петръ постоянно говоритъ о помощи Божіей, о томъ, что „вся не въ человѣческой, но въ Его суть волѣ"; въ случаяхъ удачи у него прежде всего на языкѣ благодареніе Богу, а въ несчастіяхъ—рѣчь о гнѣвѣ Божіемъ. Если мы прибавимъ къ этому любовь Петра Великаго къ богослуженію и къ св. писанію, то мы убѣдимся, что въ многосторонней душѣ Преобразователя было

мѣсто и для искренняго религіознаго чувства. Благочестивый Воронежскій Святитель своимъ чуткимъ сердцемъ сумѣлъ разглядѣть и оцѣнить эти лучшія движенія царской души, и изъ-за нихъ снисходительно отнестись къ такимъ фактамъ, какъ потѣхи Петра Великаго, нарушеніе имъ постовъ и т. п. Симпатиченъ былъ Св. Митрофану и образъ царя-работника, осуществлявшаго приводимую въ завѣщаніи Святителя заповѣдь: „употреби трудъ". Съ своей стороны и Петръ Великій не могъ не проникаться искреннимъ расположеніемъ къ „святому старцу", строгому къ себѣ, но покрывавшему любовію слабости другихъ. Царь часто посѣщалъ Св. Митрофана, жаловалъ ему вотчины, увеличилъ Воронежскую епархію безъ вѣдома патріарха, а при погребеніи Святителя „засвидѣтельствовалъ благодарность сему благодѣтельному пастырю отданіемъ ему послѣдней чести".

Что расположеніе Свят. Митрофана къ царю было вполнѣ искреннее, но что оно не имѣло въ себѣ ни тѣни человѣкоугодничества и что Святитель, отдавая *Кесарево Кесареви*, не забывалъ прежде всего воздавать *Божіе Богови*,—въ этомъ убѣждаютъ два факта изъ его жизни. Подъ именемъ перваго факта мы разумѣемъ всѣмъ извѣстный „пастырскій поступокъ" Свят. Митрофана по поводу статуй, поставленныхъ у царскаго дворца. Разсказъ объ этомъ событіи записанъ по изустнымъ преданіямъ уже въ концѣ XVIII вѣка. Весьма возможно, что вся драматическая сторона этого разсказа представляетъ собою позднѣйшую обработку первоначальнаго краткаго извѣстія. Дѣло происходило, можетъ быть, гораздо проще, чѣмъ какъ оно передается въ „Анекдотѣ" Голикова, и царскій гнѣвъ, можетъ быть, не былъ высказанъ въ такой рѣшительной формѣ. Но если мы и признаемъ всѣ подробности разсказа легендарными, то всетаки остается достовѣрнымъ самое зерно событія—фактъ размолвки Свят. Митрофана съ Петромъ Великимъ изъ-за соблазнительныхъ для народа изображеній языческихъ боговъ. Равнымъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію и то, что Святитель въ этомъ случаѣ выразилъ готовность ради „простыхъ сердецъ" пасомыхъ жертвовать своимъ собственнымъ благосостояніемъ и расположеніемъ къ нему царя. Петръ Великій, въ гнѣвѣ часто не владѣвшій собой, въ спокойную ми-

нуту высказалъ однажды слѣдующую замѣчательну мысль, достойную великаго правителя: „Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ“. Эта мысль, на время затуманенная гнѣвомъ въ головѣ Петра Великаго, потомъ вступила въ свои права, и статуи были убраны.

Другимъ фактомъ, свидѣтельствующимъ, что Свят. Митрофанъ изъ-за расположенія къ царю не забывалъ „простыхъ сердецъ“ паствы, служатъ отношенія Святителя къ иноземцамъ. Еще въ званіи игумена Унженскаго монастыря Святитель былъ близокъ къ людямъ, заявившимъ себя горячими приверженцами западной культуры (наприм., бояринъ Богд. Матв. Хитрово). Въ своей широкой благотворительности въ Воронежѣ онъ не забывалъ также и „иноземцовъ“. Все это показываетъ, что Святитель не раздѣлялъ старорусскаго отвращенія ко всему чужому, иностранному, и стоялъ выше узкой національной исключительности. Но когда въ Воронежѣ сталъ обнаруживаться религіозный вредъ отъ „нѣмецкой слободы“, то Свят. Митрофанъ счелъ долгомъ въ своемъ завѣщаніи повторить тѣ предостереженія, какія сдѣланы были патр. Іоакимомъ относительно иновѣрцевъ. Не чуждаясь иностранныхъ людей только какъ „иноземцовъ“, Святитель заповѣдуетъ удаляться отъ нихъ, когда они выступаютъ, какъ „враги Божіи и ругатели церковные“, какъ „еретики и иновѣрцы“.

Задолго до Петра Великаго началось сближеніе Россіи съ Западомъ, а къ половинѣ XVII в., ко времени, когда Св. Митрофанъ уже выступилъ церковнымъ дѣятелемъ, западное вліяніе въ Россіи стало настолько сильнымъ, что возникъ вопросъ о томъ, „какъ европейское поставить въ параллель съ національнымъ“. Съ тѣхъ поръ русская мысль постоянно работала надъ этимъ вопросомъ, работала и тогда, когда Россія уже стала страною Европейскою и когда уже убѣдились въ томъ, что „можетъ собственныхъ

Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ земля Россійская рождать“. Къ половинѣ минувшаго XIX в. эти разрозненныя мысли объ отношеніи Россіи къ Евопрѣ объединились въ два противоположныхъ міровоззрѣнія, обозначенныхъ именами „славянофильства“ и „западничества“. Обѣ эти теоріи съ особеннымъ интересомъ отнеслись къ эпохѣ Петра Великаго, какъ къ такому времени, когда Россія вступила съ Европой въ очень живыя сношенія. Славянофилы осуждали Петра Великаго за отреченіе отъ народныхъ началъ въ пользу чужой цивилизаціи, а западники, наоборотъ, полагали, что наша исторія въ собственномъ смыслѣ только и начинается съ той поры, когда Петръ Великій „прорубилъ окно въ Европу“. Послѣ ожесточенныхъ споровъ представителей той и другой теоріи, стали ясны крайности этихъ ученій. Возникло третье, примирительное направленіе, заявившее, что понятіе народности есть лишь отвлеченное понятіе формы, содержаніе для которой дается всею совокупностью жизненныхъ идеаловъ народа, среди которыхъ первенствующее мѣсто занимаютъ идеалы религіозные. Вѣра, православіе и есть органическое начало, безъ котораго наша народность не имѣетъ цѣны. Какъ бы мы ни отнеслись къ этому взгляду, во всякомъ случаѣ мы не можемъ отказать ему въ болѣе широкомъ освѣщеніи спорнаго вопроса, сравнительно съ двумя другими воззрѣніями. Если мы подъ угломъ зрѣнія этой средней теоріи взглянемъ на время Петра Великаго, то найдемъ, что въ эту тревожную эпоху были люди, которые, не задаваясь теоретической оцѣнкой своего и чужого, на практикѣ спокойно рѣшали жгучій вопросъ о подражаніи и самобытности. Однимъ изъ такихъ людей и былъ Святитель Митрофанъ Воронежскій. Коренной русскій человѣкъ по происхожденію, воспитанію и вѣрованіямъ, Св. Митрофанъ всю жизнь свою стремился только быть самимъ собою. Осуществляя эту простую задачу, Святитель оказался одинаково далекъ и отъ неразумной приверженности къ старинѣ, и отъ раболѣпства предъ новизною. Эту духовную цѣльность сообщили Свят. Митрофану его трезвый русскій умъ и глу-

Г 12835

бокая религіозность. Такіе цѣльные люди внушаютъ отрадное довѣріе къ духовнымъ силамъ русскаго народа, которыя часто нами-же самими подвергаются сомнѣнію. Въ то же время сродство Св. Митрофана съ коренными особенностями нашего народнаго духа служитъ и залогомъ того, что память о Святителѣ, пережившая уже два вѣка, будетъ жить еще до тѣхъ поръ, пока на землѣ будетъ русскій народъ и православная вѣра.